

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ЛЕГЕНДА О ФЕОФАНЕ

Игорь Кузин
Легенда о Феофане

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кузин И. А.

Легенда о Феофане / И. А. Кузин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Феофан – молодой, красивый, сильный и богатый парень, который пользуется огромным успехом у всех женщин поселка. В одно мгновение он лишается всего, чем обладал. От него отворачиваются все, кому он помогал. И бывший олигарх решает найти самого себя снова, возможно даже, с другой стороны. На его пути встречаются милая деревенская девушка и молодой паренек, которые дарят ему новые, ранее незнакомые чувства. Что же выберет герой? Любовь к девушке или мужскую дружбу? Сможет ли он продолжать прежнюю жизнь или новые знакомства изменят его до неузнаваемости? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая: корни	5
Часть вторая: бытие Феофана	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Часть первая: корни

Дождливой весною под взглядом луны
На лавочке в парке сидел и курил
Угрюмый китаец, в очках и беззубый,
В руке теребил свой единственный «Дюрекс».
Ему он достался от брата в подарок.
Его постирал он, погладил от складок.
Сидел и курил, размышляя о бабах:
«Сего не дають енти дефки полапать?
Хотя бы немозько? Хотя бы сосёк?
Хотя бы потыкать мне б пальцем в пупок...»

С Китая свалил он по той же причине —
Ему не давали и нос воротили.
И вот ему 40, живет он в Зимбабве.
Куда ни взгляни — кругом шоколадки.
И тут не дают, он чахнет от скуки,
Зато очень сильный стал он на руки.
Окурок он в урну хотел было бросить,
но ветер поднялся, с его папирсой
взлетел, закружился и что же? О боже!!!!
Мулатка по лужам брести еле может,
Губная помада по щёкам растёрта,
Вся тушь растеклась, на блузке заклепки
Оторваны напрочь. Чуть ниже пупка
Едва уцелела заклепка одна.
И вот в эти груди шестого размера
Его папирса-то и залетела,
Прижгла всё межсисье, она заорала:
– Вот это ты снайпер в очках, узкоглазый!!!!
– Просьтите, позалуйста! Я, цессно слово,
Совсем не хотелъ вам обзець васи дойки.

Она все орала, а он извинялся
И так вот случайно ей заинтересовался,
Подул восемь раз он на черные сиськи,
И вот уж она сияет улыбкой:
– Ну ладно, китаец, че было – то было.
Скажи, как зовут тебя, снайпер дебильный?
– Меня зовутъ Кхуя, фамилия Кхердже.
Друзя на работе зовут Хуем-хером,
А мама моя, сто осталась в Китае,
Звала меня ласково Кхуясик ебае...
Ебае-то значит на насем могусем —
Мой младсий сыносик, любимый и умный.
– Давай-ка присядем, Кхуясик, на лавку,

Чутка поболтаем, чутка поворкуем...
– Ведь дождь же ебасит на улисе страсный,
Вся зопя сирая узе у меня же.
Быть мозет, мы сходим в кафеску Сяйтана?
Возьмем бомз-пакеты, заварим там сяю?
– Откуда ты знаешь кафэху Шайтана?
– Сяйтан – он мой друг, он с Безбезкитана,
Сосед по границе насих селений.
Мы в детстве варили с картоски варенье.
Картоску мы пизьдили носью в подвалах,
Вот там-то его менты и поймали.
Поймали, побили и выгнали прось,
Теперь он в Зимбабве живет и поет
Про дом нас, про птисы. Поет в караоке.
Он здесь раскрутился, и дружбу он помнит,
Вот и меня он сюда пригласил,
Устроил на стройку. Ебасю, как ЗИЛ...
– Пойдем, посидим, я тоже без сил.
Меня зовут Ирма, фамилия Ким,
Мой папа – кореец, на вахте в Суоми
В стрип-баре «Лоханка» сидел и бухал.
А мама моя у шеста танцевала,
Он ей в труселя три тенге запихал.
Она ему ночь всю приват танцевала,
А он все бухал, на мамку не глядя.
И вот, в жопу пьяный, в четыре утра,
Взблевнув с-под текилы в неполный бокал,
Его вышибалы за горб волоча,
Турнули на улицу, сволочи, бля...
– А он был горбатый? – китаец спросил.
– Конечно, к тому же еще и дебил!
Так вот до утра он в снегу и валялся,
Пока моя мама плясала там танцы.
Потом она вышла, увидев его,
Вдруг сердце кольнуло её, ё моё...
И вот в неотложке, с мигалкой жужжа,
Везут их всех вместе три добрых врача.
Ее положили в палату сердечных,
Его в хирургию или калечных.
Пока он в сугробе ее лежал ждал —
Все руки и ноги мороз пожевал.
Отрезали всё ему – руки и ноги,
Лишь хер пожалели его не здоровый.
Сантима четыре была его шляпа,
Но мама моя и этому рада...
– Ты хосесь сказать, сто твоя мама
Вот так полюбила сего бедолагу?
– Конеш, полюбила, а что оставалось?
Ей было за сорок, и часто ебалась

Она после танцев с бухими хуями,
А замуж ее не брали... не брали...
– Здорова, Сяйтана! Дай два бомж-пакета
По разным тарелкам, конесно, и сая!

Вот так, проболтав под весенним дождем,
Кхуясик и Ирма дошли до кафе.
– Давай продолжай, моя сладкая кукла,
Сто дальсе-то было, хосю я послушать?
– Короче, они потом поженились.
Папа, как овощ, лежал на квартире,
Мама моя продолжала ебаться.
И надо же негру было нарисоваться!
Он-то ее оприходовал круто,
Вдул пару раз – выросло пузо.
Потом из него и я появилась.
Отец потом этим очень гордился.
– Смотрите! – глаголил он всем соседям. —
Без рук, и без ног, и с маленьким хуем,
Висячим, без ебли и прочей рутины
Моя подарила мне черного сына!
– Но ты же ведь дось? Или срезала на хрен
Писюльку свою, скормить стоб собакам?
– Конечно, я дочь, он сильно допился,
Ослеп, одурел, а потом и скурился...
– Помёр от сигары бесславный папаса?
– Ага, от бычка «Лайки страйка»...
Маманя ему докурить предложила
И вставила в зубы, сама удалилась.
В ванну пошла, помылась, побрила
Ноги, пизду, подмышки и клитор.
Вышла – пиздец! Горит полквартиры!
Он же без рук, пепел не скинет...
Вот и сгорел мой отец документный,
По крови отца не знаю совсем я.
Когда восемнадцать мне ебануло,
Маманька отправила меня в институт, бля.
Туда я вообще поступить не сумела,
Съебалась в Зимбабву, тут обляденела...
– Ты сто, сильно мерзнешь? На улице сорок,
В тени тридцать сесть, зара, кипяток, блядь!
– Совсем я не мерзну, мне жарко тут очень,
Ебусь я за деньги и днем, даже ночью.
Вот и сейчас я иду от клиента,
Он ёб меня в сраку, ну, дело не в этом...
– Так, знать, ты салава? И падсая баба?
– О да, я такая... меня всегда жарят!
И ты вот прижарил меня очень сильно,
Неделю прогулы теперь из-за сисек...

– Просьти меня, Ирма, позалуйста, правда!
Давай я неделю тебя буду трахать?
Я денег скопил, триста семьдесят два
Рубля зимбабвических есть у меня...
– За эти деньжищи, Кхуясик-ебае,
Дрочи себе сам, ставка большая
У меня за миньет —
Три тыщи семнадцать и вкусный обед...
– Тогда, мост, позенимся, о королева?
Я малый хоросий, хоть сделан в Китае...

И вот поженились два этих чуда,
И в брачную ночь случилось чудо...
Ну вот, наконец-то, лоханка открыта!
«Дюрекс» надел китаец на дилдо.
Только вошел – тут хлопок прозвучал,
Китаец подумал, что яйца звенят,
А это не яйца, то лопнул гондон,
И через минуту довольненький он
Свой хер вынимает, о боже, беда!!!
На хуе гондона нет ни хуя...
И вот через месяцев 8 иль 9
На свет появился первенец Кхердже,
Назвали его в честь прадеда Ольги,
А Ольга была их соседкой по койке.
Они же все жили в глухой коммуналке,
Где сброд весь торчал, на городской свалке.
Ольга была из знатного рода,
Она из России, но не из народа.
Ее прадед Палыч, при князе – султани
Был алкоголиком и капитаном.
Военным он не был, он был алкоголик,
А китель в «Ашане» нашел, шопоголик,
Купил и, повесив его на крючок,
Ни раз не надел и видит – идет
Сам Феофан, сам синеносый,
В тапках, в трусах и с папиросой.
– Эй, Палыч, возьмешь ты себе этот китель?
– Конечно, возьму, а то в холод пристыну.
И так вот в халяву одевшись прилично,
Его князь султан узрел самолично
И взял в свой шатер, чтобы тот был примером,
Как пить нужно много, не зная о мере.
И вот все, посмотрев на Феофана,
Забросили пить, пошли на поля...
И выросло поле со свеклой, не с рожью,
И из нее варили самогонку.
Феофан Палыч ее всю испил.
Народ был доволен. Ботвой закусил

И встретил он взглядом уборщицу Люду,
Позвал, наклонил и вдул ей прилюдно,
Потом они в загсе с ней расписались,
И жили в согласии, и не ругались.

Часть вторая: бытие Феофана

И вот уж шестнадцать Феофану Кхуясичу.
В Зимбабве застой, на улицах хаос,
Решают родители езжать из страны,
Чтоб сын ихний рос без наркоты.
И выбор их пал на Русь, на Сибирь,
Чтоб вырос здоровым их богатырь.
Мечта их сбылась, он здоровый как лось,
Работает он в ООО «Агрохвост».
Он валит деревья в российской тайге,
Ебало все в шрамах и сажень в плече,
Здоровый детина, еще и боец,
Три дня он на самбо ходил, молодец!
Пизды получал постоянно он в клубе,
Не раз свои зубы выплевывал в клумбы.
И вот надоело ему быть терпилой,
Стал он качаться, злобный детина.
На самбо пошел, записался в спортклуб,
Думал, научат защите вот тут.
Но он просчитался, всего, что достиг —
Два шага в татами, а дальше тупик.
Против него злобный противник
Прием сделал классный, погас и рубильник,
Когда оклемался – прошло аж три дня,
Понял что эта борьба – все хуйня.
– Папа-китаец, поклонник Ван Дамма,
Скорей научи меня бить по ебалу!
И папа помог, научил бедолагу,
Как быть суперсильным и славным воякой.
– Ты в Халка, сынок, превратись, если сможешь,
Тогда всем пизда, и плюнь им всем в розу!
– Ебать ты дебил, папаша Кхуясик,
Как можно Халком стать, мне не подскажешь?
Мама, зачем на него ты смотрела?
Неужто же не было больше те дела,
Как с китаёзом ебаться в кровати?
Лучше б был негром я, как и твой батя.
– Ты, сын, охуел? – воскликнула Ирма. —
Я папу люблю, хоть он и дебилый!
Включи интернет, введи «оборона» —
Вот там и учись, как драться с народом.

Послушал он мать и стал заниматься,
И вот через месяц его уж бояться,
Руками он машет, как юный Ван Дамм,
И непобедим стал, как Джеки Чан.

Здоровый детина, в плечах уж сажень,
Не может спокойно он встать на ступень
Своего дома, как вдруг ни возьмись —
Кругом одни бабы, куда ни гляди.
И так вот еще пятилетка прошла.
В поселке порядок, не ходит шпана,
Кхуясича все боятся мерзавцы,
Он добрый и сильный, ебало все в шрамах.
Зато на хую его всегда бабы —
Ровесницы, старые и молодые.
Любят страшилу, любят за силу.
Сила его не только в руках,
Силен его поршень и яйца с кулак!
Пришла к нему как-то бабушка Нюра:
– Внучок Феофан, порадуй бабулю!
Бабуля была ему не родная.
Старушка – обычный кондуктор трамвая.
– Я овдовела уж как десять лет,
Любовником стал моим огурец.
Однажды, на даче парник поливая,
Споткнулась о камни, что пленку держали,
Упала я в грядку, а этот проказник
Залез под трусы, и начался праздник.
Без мужа тогда я год как была,
От овоща вмиг уплыла голова,
С тех пор не нужен ни один мне мужик,
Овощ использую – и скушаю вмиг.
И наебуса, и подлечуса,
Овощ богат же на витамин.
К тебе я пришла по совету Людмилы,
Ее ты, можт, помнишь, сношал прямо в лифте?
Она вся в восторге, и мне подсказала,
Мол, Нюра, попробуй ты хер Феофана!

И Феофан не оставил бабулю,
Взял ее в руки, и в поцелуе
Всунул в ее пышный рот свой язык,
Руками же смело в трусы к ней проник.
И повалились они у кровати,
Страстно одежду раскинув по хате,
Грубо меж булок он ей засадил,
Та завизжала. Он в ней заходил
Поршнем своим он ее, что буравил.
Бабка орала, он темпа не сбавил.
В общем, порадовал он ту старушку,
Бабка в подарок ему свою двушку
На раз подписала и со словами
«Чао, герой мой!» – в свой дом ковыляла.
Наведалась как-то Прасковья глухая:

– Всади, что ль, и мне, я, чай, не кривая.
Агафья к нему вместе с мужем ходила:
– Хочу, чтоб вдвоем меня драли красиво!
Зухра, Гюльчатай, Фаина, Динара —
Восточные, страстные, пылкие дамы!
Им тоже охота, они тоже люди.
И их Феофан не обидел ни разу.
Крепыш Феофан вел свой дневник,
Каждую встречу писал он на лист.
«Сорок седьмая – ушастая баба,
Имя не помню, но трахалась ладно.
Тридцать девятая – Светка-аптекарь,
Словно ходячий худой лист фанеры.
Ни сисек, ни звука, лежала, как куст.
Такую второй раз не стану я дуть.
Сто восемнадцать – рыжая Людка,
В лифте я пробовал ту проститутку.
Сто двадцать семь – бабушка Нюра,
Хату в подарок мне запиндюнив,
Стала за это моим частым гостем —
Сто сорок один, сто сорок восемь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.